

КСЕНИЯ МЯЛО

ТОЧКА РАЗЪЕДИНЕНИЯ

Возможно ли представить себе такие юбилейные торжества, уже на дальних подступах к которым усердно, со всей возможной тщательностью и даже с подлинной страстью, заготавливался подробный, — подобный тому “длинному свитку”, который, согласно христианскому преданию, будет развёрнут перед нами в наш смертный час, — список всех совершённых юбиляром ошибок, прегрешений, а то и всех мыслимых и немыслимых грехов? Возможно ли, чтобы деятельность эта, по мере приближения торжественной даты, приобретала всё больший размах и накал, заставляя, в предчувствии недоброго, тревожно сжиматься сердце тех, кому юбиляр — сам, быть может, по наивности или по возрасту ещё не чующий беды, — близок и дорог?

Наверное, хотя и с большим трудом, но всё-таки возможно — однако лишь в том случае, когда устроители торжеств заведомо и ставили своей целью вовсе не превознесение его заслуг (пусть даже несколько гиперболизированное, но так принято — так, во всяком случае, было принято *до сих пор*), не воздаяние хвалы всей прожитой им жизни, словом, не *чествование* его, а как раз наоборот — публичное унижение виновника торжества, почему-то возомнившего, что он и впрямь нечто достойное, а то ещё и героическое совершил. Нет, *этого* ему позволить, конечно же, нельзя, а потому похвалы хотя и будут звучать, но, как требует сам жанр задуманного шоу, в той глумливой, пародийной манере, в которой принято воздавать почести царю-шуту. Что-то вроде “конечно же, дорогой N.N., мы Вас чтим и помним о Ваших заслугах, но уж позвольте всё-таки напомнить Вам и о другом”, — и далее по списку, где изощрённо сплетены быль и небыль, а всем балом правит бессмертное “клеветщи, клеветщи — что-нибудь да останется”.

Надо думать, не всякому удастся пережить подобное празднество, но даже если именинник и останется жив, устроителей позорища это отнюдь не огорчит — напротив, они, возможно, сочтут, что это даже к лучшему: ведь обвинения в убийстве (хотя бы в убийстве по неосторожности) не предъявить, а главное достигнуто — *убит сам памятный день*. День, который, как представлялось, должен был стать для кого-то днём признания ценности всей прожитой им жизни, а ставший днём её позорного “обнуления” под жалгие, подобно туче ос, смешки и шипения со всех сторон: “И он ещё ждёт благодарности?!”

И вот чем ближе становится, чем неотвратимее надвигается 9 Мая, день 65-летнего юбилея Победы — будем смотреть правде в глаза, вполне возможно, последнего для многих из не только ещё живущих среди нас ветеранов, но и для “детей войны”, — тем очевиднее становится, что за этим рубежом День Победы уже никогда не вернётся к нам таким, каким, хотя и без устали грязно атакуемый, осыпаемый клеветой и оскверняемый самой грубой ло-

жью, он всё-таки ещё жил и дышал, ещё оставался сохранным в своём главном смысловом ядре и несводимости его ко дню любой другой сколь угодно блистательной победы. И при всех спорах о Сталине, о тех или иных военных операциях, о правильности или ошибочности тех или иных решений руководства СССР, при всех бесчестных спекуляциях на больном вопросе о цене Победы, для большинства граждан России, да и не только России – и здесь была территория для общественного согласия – Великая Отечественная оставалась войной священной, *праведной* в своей основе.

Но теперь как раз по этому ядру нанесены удары такой меткости и силы, которые просто обязывают участников множющихся, словно грибы после дождя, предъюбилейных конференций, симпозиумов, семинаров всё-таки отвлечься, наконец, от своего излюбленного занятия, суть которого давно уже обозначена в не устаревающих строках Руставели. Конечно, занятие это, и всегда-то мало приглядное, в постсоветской России приобрело черты особо отталкивающие, потому что в роли таких, высокомерно обсуждающих “бой со стороны” (заметим, безопасной) стратегов, которые, конечно же, и под Сталинградом, и в битве за Берлин всё сделали бы гораздо лучше и уж, конечно, не допустили бы страшного лета 1941 года и *таких военных потерь* (потери среди гражданского населения, по последним официальным данным – почти в три раза превышающие военные потери СССР, “стратегов”, как правило, не интересуют, не в последнюю очередь потому, что обращение к ним всё-таки вынудило бы отвлечься, наконец, от сталинского праха и перенести своё внимание на кого-то другого), как правило, выступают историки и политологи, в подавляющей своей части принадлежащие к поколениям 60-70-х годов прошлого века. То есть люди, даже детьми не пережившие 22 июня 1941 года, когда, как пишет, говоря о начале операции “Барбаросса”, автор ставшей уже классикой политической биографии Гитлера, немецкий историк Иоахим Фест, на Советский Союз была обрушена “самая огромная сосредоточенная на одном театре военных действий вооружённая мощь, которую когда-либо знала история”, но всё-таки умудрившиеся – в условиях, мягко говоря, гораздо более щадящих, – начисто проиграть, лишиться исторического достоинства и разорить спасённую для них ценой великого подвига и великой жертвы страну. И, наверное, по всем законам, божеским и человеческим, им уместнее было бы, по крайней мере в юбилейные дни, если уж не взглянуть открытыми глазами на свои собственные грехи, то по крайней мере сделать паузу в перечислении грехов отцовских. Тем более – сегодня, когда в свете по меньшей мере двух событий, совершившихся на протяжении предъюбилейного года, эта, ставшая уже рутинной, традиция разоблачений (в исходном, библейском смысле *открывания наготы отцов*) не просто непристойна, но являет собой трусливое уклонение от вызовов времени.

Потому что события эти, отодвинувшие на второй план даже вопрос “почему же всё-таки победили – такую мощь! – при таком-то изобилии, в лучшем случае, ошибок?”, во весь рост поставили перед нами другой – “что победили?”. И без ответа на него праздник не только окончательно утрачивает свой особый, сокровенный смысл, сближающий его с событиями Священной истории (плёнки документальной хроники ведь ещё и доньше излучают жар тех особых чувств, которыми не окружалась ни одна, сколь бы блистательной она ни была, военная победа), но и вообще рискует обернуться пародией на самоё себя. Когда-то ответ этот представлялся столь же ясным и бесспорным, как солнечный свет – когда-то, но не в преддверии юбилея; и, может быть, точнее всего и, наверное, даже непреднамеренно ощущение мглы, поглощающей былую ясность, выразили организаторы конференции, названной столь же просто, сколь и ёмко: “Война 1941-1945 годов: что это было?” В самом деле – что?

* * *

По правде сказать, появление на свет в конце июня – начале июля прошлого года документа, вошедшего в историю не только не затухающих, но, напротив, по мере приближения юбилея Победы набирающих обороты политических игрши вокруг Второй мировой войны под названием “Вильнюсская декларация ПА ОБСЕ”, не слишком удивило меня. Нескрываемая подготови-

тельная работа к этому шла уже давно, слабость же – а лучше сказать, дряблость – нынешней российской дипломатии, то ли не сумевшей предотвратить очередной удар по нашей национальной истории, то ли не посчитавшей предмет заслуживающим особого внимания и усилий, конечно же, создавала самые благоприятные условия для его нанесения. Удар и последовал – причём такой, который, даже отбросив в сторону эмоции (а это, признаться, в таком большом вопросе нелегко), нельзя расценить иначе, нежели удар по самим восходящим к 1945 году оценкам характера войны. А также – роли каждого из её участников не только в самой войне, но и, особенно, в утверждении послевоенного мироустройства.

Германии как стране-агрессору, подписавшей Акт о *безоговорочной* капитуляции, естественно, в процессе такого утверждения отводилась нулевая роль – *предопределённая*, даже в сугубо юридическом смысле, самой этой безоговорочностью.*

А вот Советскому Союзу как одной из держав-победительниц – причём такой, решающая роль которой в разгроме фашизма *тогда* никем не ставилась под сомнение (по крайней мере, открыто – этого просто-напросто не приняло бы “мнение народное” во всём мире), – в нём, соответственно, принадлежала одна из ключевых ролей. В том числе – и в создании Организации Объединённых Наций, ссылок на Всеобщую декларацию прав человека которой и открывает свой обвинительный вердикт вильнюсское послание депутатов ОБСЕ. Равно как и на Хельсинкский заключительный акт, под которым также стоит подпись СССР, тогда как подписи Третьего рейха никто ещё не разглядел. Однако все эти ссылки утрачивают всякий смысл в свете п. 3 Вильнюсской декларации, в соответствии с которым “в двадцатом веке европейские страны испытали на себе два мощных тоталитарных режима, *нацистский и сталинский*, которые несли с собой геноцид, нарушения прав и свобод человека, военные преступления и преступления против человечества” (курсив мой. – **К. М.**)

В формулировке этой неприятно поражает не только публицистическая агрессивность, абсолютно не подобающая официальному документу, но и ещё более – кричащая неопрятность формулировок и полное отсутствие доказательной аргументации, безусловно необходимой при выдвигании обвинений подобной тяжести. Её, разумеется, и не может быть, потому что, в отличие от нацистской Германии, основанием для обвинения которой по этим статьям явились материалы Нюрнбергского процесса, никакого расследования такого рода в отношении СССР не проводилось, и, соответственно, не существует никаких документов, которыми можно было бы хоть сколько-нибудь подтвердить заявленное в Декларации. Обвинение строится исключительно на эмоциях, но последние, при отсутствии более весомых доказательств, не могут служить основанием для вынесения приговора даже по обычным уголовным делам.

Более того: перед нами нечто беспрецедентное по сравнению даже с деятельностью Гаагского трибунала по Югославии, который, при всей своей вопиющей пристрастности и необъективности, по крайней мере формально придерживается установленных норм права и следует требуемым им процедурам. И с этой точки зрения юридический способ действий по отношению к СССР, предложенный в Вильнюсе, приближается к тому, который действует в Гуантанаме по отношению к заподозренным в причастности к “международному терроризму”.

Впрочем, за прецедентами можно обратиться и к самой европейской истории, которая далеко не всегда была столь безупречна с правовой, не говоря уже о нравственной, точки зрения, как это мнится сегодня депутатам ПА ОБСЕ. Но, может быть, депутаты забыли как раз об этих страницах становления европейской демократии, о том, в какую цену обошлась Декларация прав человека и гражданина, до сих пор справедливо почитаемая неоспоримым завоеванием Великой Французской революции? Забыли, что именно она яв-

* Ведь и оба послевоенных немецких государства возникли только в 1949 г., четыре года спустя после учреждения ООН, причём сегодня, когда столь многое забыто или до неузнаваемости искажено – стоит напомнить, что первый шаг к разделению Германии сделал именно Запад: ведь первой была создана ФРГ, создание же месяца спустя ГДР стало ответным ходом СССР.

ляется фундаментом, на котором утвердилась та самая Всеобщая декларация человека Организации Объединённых Наций, к которой они апеллируют, вынося приговор СССР, и что камни в этом фундаменте скреплены потоками крови? Вот ведь даже Патрик Луи, депутат от Европарламента от Франции, категорично, словно проповедник с амвона, вещает: **“Будь то чума красная или чёрная, она всегда останется чумой.** В нацизме, ленинизме и сталинизме есть общая составляющая – тоталитарный режим и миллионы жертв” (“Власть”, № 27 (830) от 13.07. 2009. Выделено в тексте. – К. М.). А уж ему ли не знать, что в одной только мятежной Вандее, по собственным словам одного из командующих отрядами “адских карателей” (официальное название частей революционной армии, направленных на подавление мятежа в Бретани), превращённой в “залитое кровью пепелище”, погибли сотни тысяч людей.

Цифры варьируют – от порядка 200 тысяч до миллиона; наиболее близкой к истине (которую при подобных операциях, с сожжением целых деревень, не исключая стариков и грудных младенцев, вряд ли вообще возможно с полной точностью установить) считается цифра в полмиллиона. Но даже если согласиться с известным французским писателем Максом Галло, автором вышедшего в прошлом году и вызвавшего громкий резонанс двухтомного исследования “Французская революция”, и принять цифру в 120 тысяч (в течение менее года) и если учесть, что операцией в Вандее, ставшей своего рода олицетворением эпохи Тррора, подвластная ему территория, конечно же, не ограничивалась (только в Париже ежедневно совершалось до 50–60 казней), то общее число его жертв не уступит, а если и уступит, то ненамного, реальному – я подчёркиваю, реальному, а не мифическому – числу приговорённых к смертной казни в эпоху того, что стало принято именовать “сталинскими репрессиями”, а оно составляет около 650 тысяч. Так что на совести г-на Блуи придётся оставить “миллионы”, сопоставимые – а ведь в этом и заключается самая соль Вильнюсской декларации – с миллионами жертв нацистской Германии. Об источнике подобной информации догадаться, конечно, нетрудно, но только ведь давно ни один из уважающих себя историков не пользуется сочинениями Солженицына в качестве источника – если он, конечно, хоть в какой-то мере стремится докопаться до истины, а не просто получать политические дивиденды с пролившейся когда-то крови. К сожалению, вся история с принятием Вильнюсской декларации приводит к выводу о том, что большинство депутатов Европарламента (ведь Декларация могла быть принята только большинством голосов) установление истины отнюдь не занимало и что принималась она, стало быть, вовсе не для того, чтобы фарисейски прочитывать “мировому сообществу” нравоучение на тему о том, как нехорошо убивать людей и прочая, и прочая в том же роде.

Да, конечно же, нехорошо, кто же спорит – ужасно даже, и 650 тысяч это тоже очень много, но если цели преследуются нравоучительные, а проповедники честны, то пусть они добавят в список и “ленинизм”, и “робеспьеризм”, и о “кромвализме” пусть не позабудут – да о многом ещё. Например, о том, о чём пишет в своей замечательной книге “Кровавые бани” такой известный человек, как Ноам Чомски, полагающий, что, в конечном счёте, число жертв *правого* террора намного превосходит число жертв террора *левого*, то есть революционного. Но поскольку преследуются цели совсем иного порядка, то, разумеется, депутаты Европарламента своё негодование распространять намереваются отнюдь не на каждый случай “уничтожения людей”, но лишь там и тогда, где и когда такое негодование может послужить достижению весьма конкретных целей, слабо связанных с реальной озабоченностью страданиями жертв исторического насилия. Волшебная формула полного избавления от которого вообще человечеством покуда, к несчастью, не найдена – или мы ошибаемся и нам следует взглянуть на мир глазами Игоря Чубайса, директора Центра по изучению России? Ведь, как следует из его интервью той же “Власти”, лично ему известны лишь два случая такового – нацизм и пресловутый “сталинизм”, только эти двое “связаны с уничтожением людей”, то есть мы уже как бы приближаемся к райскому состоянию. А для того, чтобы приблизиться к нему вплотную, требуется совсем немного: просто “руководители нашего государства должны сделать заявление, осуждающее сталинизм, заявить, что это явления одного порядка. Пока мы не распрощаемся *таким образом* с прошлым, будущего у нас нет” (курсив мой. – К. М.).

Нетрудно заметить резкий контраст между наигранной наивностью послышки и жёсткой категоричностью вывода, не говоря уже о грозном тоне “последнего предупреждения”. Ну, а поскольку есть основания полагать, что подобный “способ прощания” может и впрямь стать реальностью*, то, на мой взгляд, стоит взглянуть на вопрос о нашем будущем и с другой стороны, а именно: что произойдёт, если российское руководство, прислушавшись к рекомендациям Игоря Чубайса (или представителя столь влиятельной в РФ организации, как РПЦ, глава ОВЦС которой митрополит Иларион (Алфеев) тоже, притом неоднократно и весьма эмоционально, заявил о своём согласии с основной идеей принятого в Вильнюсе документа), сделает ожидаемый от него шаг и примет соответствующий документ? Ведь нет никаких оснований полагать, что этим очередным актом самоунижения России её дело, наконец, будет закрыто. Напротив, на протяжении последних 20 лет она ведь только и делала, что становилась на колени, притом порою неоднократно в одном и том же месте – например, в Венгрии, где за 1956 год вначале извинялся Ельцин, а потом Путин, причём ни тот, ни другой не сочли нужным напомнить, что хортистская Венгрия была союзницей Гитлера во Второй мировой войне, что её солдаты воевали на нашей земле и отнюдь не проявили себя кроткими голубями и что, коли уж дело дошло до извинений, то неплохо было бы услышать их и нам со стороны Будапешта. Но так и быть, покаяться – и что же? Умягчились сердца наших бывших союзников по ОВД? Смешно даже задавать подобный вопрос, когда ответ на него как раз и дала Вильнюсская декларация, которую можно считать первым – на таком политическом уровне – и чрезвычайно важным шагом на пути, ведущем к главной цели: полному и окончательному пересмотру роли СССР во Второй мировой войне. С вытекающими из такого пересмотра весьма важными и очень конкретными политическими выводами.

* * *

Не стоит забывать, что своё место в Совете Безопасности ООН Российская Федерация занимает лишь как правопреемница Советского Союза – державы-победительницы, которую, вплоть до её кончины, никто не посмел бы, на сколько-нибудь официальном уровне, поставить в один ряд с гитлеровским рейхом. Новая Россия, однако, эту планку не удержала. Хуже того: именно она сама едва ли не более всех поспособствовала развязыванию того процесса “переоценки ценностей”, который закономерно поставил нас перед перспективой нового Нюрнберга – такого, где на скамье подсудимых окажется как раз СССР, чьё место в СБ *покуда* занимает *правопреемница*. Но что произойдёт, если стране, плодами усилий и подвигов которой она безмятежно пользовалась, одновременно безжалостно шельмуя её, и впрямь будет вынесен приговор, если дело не ограничится только сентенциями, не имеющими юридической силы, а перейдёт в плоскость права – наследницей *чего* окажется в таком случае Россия? И можно ли представить себе, чтобы она по-прежнему могла претендовать на место, унаследованное ею от государства, овеянного славой победителя фашизма, а теперь осуждённого *по тем же* статьям (см. п. 3 Вильнюсской декларации), что и нацистские преступники в Нюрнберге? Между тем мысль о необходимости нового Нюрнберга уже носится в воздухе, и тот же Патрик Блуи формулирует её со всей определённойностью: “...Жаль, что не было процесса, подобного Нюрнбергскому, который бы осудил сталинизм и коммунизм. Нужно его провести, потому что многие ещё верят в правоту Сталина и Мао Цзэдуна”.

Последний намёк может, конечно, заинтересовать Китай, однако в любом случае “Мао Цзэдун” ещё в далёком будущем. В котором, я не сомневаюсь, Китай, коль скоро вопрос в этом будущем и в самом деле встанет подобным

* Меня, во всяком случае, поразило количество людей, принадлежащих к социальному слою, у нас не слишком корректно именуемому “элитой”, которые на страницах “Власти” – понятно, что незлитные люди такой журнал не интересуют – не только выразили своё согласие с Вильнюсской декларацией, но сделали это в сугубо циничной, непристойной манере. Между тем, именно эти люди, располагая отнюдь не ординарными возможностями влияния и на СМИ, и на саму власть, могут сдвинуть процесс в желанном для них направлении.

образом, сумеет защитить своё достоинство гораздо лучше, нежели это сделала Россия. А вот для неё речь может идти о будущем совсем недалёком, а в чём-то уже и о настоящем. Потому что в контексте Вильнюсской декларации и заявлений, подобных сделанному Патриком Блуи, сама раскрутка темы *Катыни*, совершенно оттеснившая – и как раз в предъюбилейные дни – тему *Хатыни*, то есть преступлений рейха на оккупированных советских территориях, преступлений, которые не исчерпывались одним лишь уничтожением еврейского населения, вполне возможно, имеет сугубо инструментальное значение. Ведь РФ, как правопреемница СССР, в лице своего руководства уже призналась в совершении последних *военных преступлений*, а как раз это и требовалось для не только дальнейшей обработки общественного мнения, но – самое главное – для подготовки к процессу, который, естественно, не может строиться на одних лишь выкриках негодования.

Да, конечно, дело до “нового Нюрнберга” ещё не дошло, но уже сегодня не вызывает сомнений, кто, буде такое случится, займёт место на скамье подсудимых.

Ну, а кто же будет судьями на этом новом суде народов – так ведь, помнится, называли *старый* Нюрнберг? Какие народы станут выносить нам приговор? Не наши ли бывшие союзники, в лице своих представителей подписавшие Вильнюсскую декларацию, а теперь вдруг – впервые за все десятилетия, протекшие со времени окончания Второй мировой, а для нас Великой Отечественной войны, – возжелавшие пройти церемониальным маршем по Красной площади? Желание более чем неожиданное – ведь совсем недавно Россию даже не приглашали на празднования “Дня Ди”, то есть высадки союзников в Нормандии. С тех пор потоки грязи, вылитой на Советский Союз, разбухли тысячекратно, а процесс переоценки места СССР во всемирной истории вообще, а в частности и в особенности – его роли во Второй мировой войне вступил в новое качество, принеся первый плод в виде Вильнюсской декларации, и вдруг... Неужели протянута рука дружбы и поддержки? Вряд ли – поскольку единственным убедительным доказательством последних стало бы просто-напросто дезавуирование позорного документа.

Дело, однако, представане в совсем ином свете, если и вопрос будет задан иной: а не идёт ли речь о превращении *нашего* парада Победы в парад их торжества? В самом деле, они выходят на него не осквернёнными даже намёком на их тождественность поверженному противнику (не говоря уже о смердяковщине позорных дискуссий на тему “кто хуже?... оба хуже... нет, мы хуже”, в которых потонули наши СМИ); они выходят, не утопив в непролазной грязи имена своих главнокомандующих и политических лидеров, предоставив историкам взвешивать на точных весах их деяния, их заслуги, ошибки и грехи; они выходят, не выбросив в утиль знамёна, под которыми была одержана Победа, не изменив имён городов, с которыми связаны ставшие легендарными битвы и подвиги страшной войны. Нам же предлагается научиться смотреть на Великую Отечественную как всего лишь на одну из страниц Второй мировой – притом далеко не самую безупречную и достойную благодарной памяти потомков.

Что ж, забыть о том, чем была война на Востоке, Европе (не говоря уже о Соединённых Штатах) нетрудно, и тем легче, что в её собственном опыте соприкосновения с нацизмом не было ничего, хотя бы приблизительно сравнимого с происходившим на оккупированных территориях СССР. Так, Вадим Андреев, старший сын знаменитого русского писателя, переживший войну во Франции, вспоминает: “...Немецкая оккупация во Франции не была похожа на оккупацию в других странах. Она началась под знаком коллаборации: немцы вели себя “корректно”, старались избегать конфликтов и даже грабили страну по закону: за все реквизиции и поставки платили наличными” – из средств, выделенных им вишистским правительством (“История одного путешествия”. М., 1974). И даже не только в столь позорно падшей Франции, но и в других, особенно западноевропейских, оккупированных гитлеровцами странах достаточно было не быть евреем, цыганом или коммунистом, а также, само собой разумеется, не участвовать в движении Сопротивления, чтобы иметь немалые шансы выжить. Так не потому ли для граждан этих стран немецкая практика “народоистребления” отождествляется только с истреблением евреев? Как правило, не вспоминают даже о подлежащих такому же полному уничтожению цыганах: по крайней мере, о них не вспомнила Вильнюсская декларация, подчеркнувшая лишь “уникальность Холокоста”. Где уж

тут помнить о “восточной политике” Гитлера; а между тем и сам термин “народоистребление” впервые прозвучал именно в контексте этой политики, о чём подробно рассказывает в своих воспоминаниях Герман Раушнинг, один из политических сподвижников Гитлера, в 1936 году порвавший с национал-социализмом и эмигрировавший из Германии.

Ещё в 1932 году, рассказывает он, в Первом Коричневом Доме в Мюнхене в довольно узком кругу состоялось в присутствии и, разумеется, под руководством фюрера обсуждение основных направлений “восточной территориальной политики”. Конечно, основные её контуры, как и политики в “еврейском вопросе”, были обрисованы ещё в “Майн кампф”, однако, уточняет Раушнинг, “без выводов относительно демографической и аграрной политики”. На совещании 1932 г. честь развить их была предоставлена будущему рейхслайтеру и шефу Центрального управления СС Рихарду Даррэ, и последний, будучи человеком сельскохозяйственного образования, с профессиональной прямотой, а порою прибегая к откровенно скотоводческим аналогиям, обрисовал характер той “плановой политики народонаселения и народоистребления”, которую потребуются проводить на восточных территориях для успешного решения центральной задачи: создания “новой аристократии”, расы господ. Главное условие успеха — “подорвать славянскую плодovitость”^{*}.

Другое, не менее важное, — “создание определённой современной формы послушания или, если хотите, рабства...” (Г. Раушнинг. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. Москва. “Миф”, 1993, с. 44). После подробного развития аграрием Даррэ деталей формирования из восточнославянского стада рабов-батраков, которым, между прочим, надо перекрыть доступ к образованию, ибо образованные рабы, подчеркнул он, “опасны для класса господ”, слово взял сам Гитлер.

Согласившись в главном и с Даррэ, и с выступавшим тогда же Гиммлером, подчеркнув также и со своей стороны, что “свобода образования — привилегия элиты и тех, кого она лично допустит к этой свободе”, он, однако, сделал ряд не просто важных, но принципиальных уточнений, касающихся той стороны фашизма, которая, в связи со сведением его только к этническому насилию, в свой черёд сведённому исключительно к Холокосту, в постсоветские десятилетия вообще выпала из поля зрения общественности и даже многих профессионалов, в том числе и отечественных. И с немалым удивлением прочитала я суждения известного историка Роя Медведева, который, также приняв основополагающую идею Вильнюсской декларации, счёл нужным с забавной в данном случае важностью “углубить” вопрос. Конечно, нацизм и сталинизм равны, поведал он, однако следует учитывать, что “все диктатуры похожи по форме, но не по содержанию. Фашизм — это ненависть и уничтожение людей по расовому признаку. Сталинизм — это форма социального тоталитарного государства. Здесь уничтожению подлежат классы эксплуататоров, то есть определённые социальные слои. Это другая природа” (“Власть”, цит.).

Комментировать подобное я не считаю нужным, ибо писателю Медведеву (так представляет его “Власть”), конечно же, хорошо известен и один из самых знаменитых кличей Французской революции “Аристократов на фонарь!”, и то, главное, что в России уничтожение эксплуататорских классов было начато вовсе не Сталиным, равно как и не им была разработана доктрина, легшая в основание Октябрьской революции. Думаю, что прекрасно осознаёт он и полную непригодность для серьёзного исторического анализа самого понятия “сталинизм”. Изначально конъюнктурное и лукавое, оно сегодня утратило даже и тот делавший его хоть сколько-нибудь содержательным смысл, который имело при своём зарождении, в эпоху XX съезда, и ядром которого было противопоставление “хорошего Ленина” и “плохого Сталина”. Однако Гитлер, в отличие от г-на Медведева, разумеется, никогда не испытывал никаких симпатий к Ленину и всегда говорил не о “сталинизме”, но именно о

^{*} Надо заметить, что нацисты были буквально помешаны на этой будто бы невероятной “славянской плодovitости”, словно они ещё жили во времена готского историка Иордана, когда-то назвавшего славян “племенем самым многочисленным и расселившимся на огромном пространстве”. Гитлер в “Майн кампф” даже утверждал, что вследствие аграрных преобразований, проведённых большевиками, плодovitость восточных славян ещё возросла, что явно не соответствовало действительности, хотя, конечно, ни о каком вымирании русских, подобном тому, о котором нельзя не говорить сегодня, в предвоенном СССР и речи быть не могло.

большевизме, в котором видел, однако, не только первый прецедент практического воплощения идей марксизма, но также – и это имело особое значение при разработке основных направлений восточной политики Третьего рейха – сгущённое выражение исторического *бунтарства рабов против господ*. Особенно – славянского бунтарства, столь памятного немцам ещё со времён Яна Жижки, что и побудило фюрера специально отметить в своей речи на совещании у Даррэ: “Чехов надо убрать из Центральной Европы. Пока они находятся здесь, они всегда будут очагом гуситско-большевистского разложения”.

Как и в случае со “славянской плодовитостью”, калка с далёкого прошлого в случае именно Чехословакии, сдавшейся вообще без боя, оказалась не слишком верной, и ресурсы “гуситско-большевистского” бунтарства в душах современных ему чехов Гитлер явно переоценил. Это, однако, не отменяет и не изменяет значения его речи в главном: в том, с какой чёткостью была нарисована им картина связи между расовой и социальной доктринами нацизма – картина, не имеющая ничего общего с расхожим представлением, которого, как мы видели, придерживается и историк Рой Медведев. В этой одной из самых программно важных речей Гитлера, не случайно произнесённых в очень узком кругу, *расовое*, в буквальном смысле слова, хотя и сохраняя, конечно, всю свою важность, всё-таки уступает первенство *социальному*. Или, говоря точнее, открыто заявляется, что *раса господ* в перспективе будет формироваться не на сугубо этнической, а на иной основе. А поскольку сегодня, в угаре спекуляций вокруг “сталинизма”, об этой стороне и теории, и практики рейха стараются вообще не вспоминать (и так ли уж непреднамеренно?), то, думаю мне, уместно будет предоставить слово тому, кто более всех причастен и к разработке этой доктрины, и к организации этой практики. Итак, судите сами.

“Сегодня, – заявил Гитлер в своей заключительной речи на совещании у Даррэ, – мы стоим перед железной необходимостью создать **НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК**... Бесклассовое общество марксистов – глупость. Порядок – это всегда иерархия”, а “истинные господа возникают только тогда, когда возникает истинное порабощение. Не может быть и речи о преодолении неравенства между людьми – напротив, его следует углубить и, подобно всем великим культурам, с помощью непреодолимых барьеров превратить в закон. Никакого всеобщего равноправия не существует...” (Г. Раушнинг, цит., с. 47–48. Выделено в тексте. – К. М.) Трудно понять, как, сохраняя хоть малую долю исследовательской честности, можно обнаружить в этой конструкции хоть какое-то сходство с коммунизмом, большевизмом и даже “сталинизмом” (независимо от чьего-либо личного отношения к ним). И. Фест справедливо замечает, комментируя одержимость Гитлера таким, восходящим к самым древним и жестким не просто сословным, но *кастовым* системам, идеалом общественного устройства: “Как коммунизм провозглашал утопию последовательного равенства в обществе, так и здесь имела место утопия последовательной иерархии общества” (И. Фест. Адольф Гитлер. Пермь, 1993, т. 3, с. 267).

Зато гораздо больше общего с картиной, нарисованной Гитлером, можно обнаружить в становящемся у нас на глазах *новом мировом порядке*, с его доминантой возрастающего планетарного неравенства; и в таком контексте понятнее становится и возможная преднамеренность смещения акцентов, и сугубая ненависть новых *элит* к коммунизму, как, в социально-психологическом плане, выражению отказа *рабов* занять полагающееся им место в самом низу пирамиды “нового социального порядка”. А поскольку идёт интернационализация этих элит, то особый интерес для них может представлять сказанное Гитлером почти под самый занавес его речи и полностью обрушивающее господствующую сейчас простенькую интерпретацию соотношения расового и социального в предложенной им *не только Германии доктрине*. Да, подтвердил тогда в Мюнхене Гитлер, именно “немецкий народ призван дать миру новый класс господ”. Но “расово-биологическое – это всегда только **ОДНА** сторона процесса. Мы очень скоро выйдем за рамки нынешнего узкого национал-социализма. Партайгеноссен, мировые империи возникают на национальной основе, но эта основа очень скоро остаётся далеко внизу” (там же, с. 49. – Выделено в тексте).

Понятно, что любую мировую империю не могут не интересовать обширные и столь богатые ресурсами пространства России. Однако империю, при-

званную явить миру эталон “нового социального порядка”, не меньше интересовало ещё одно: многочисленное население, предназначенное стать подножием пирамиды такого порядка. Притом население, невероятно удачно для нацизма сочетавшее в себе ненавистную ещё с тевтонских времён “славянскую породу” и глубокую заражённость вирусом большевизма – согласно пониманию его лидеров, еврейской идеи коммунизма в русской огласовке. Словом, население “OST”, и стоит напомнить, что от ношения этого зловещего знака, помечавшего угнанную с советских оккупированных территорий в Германию рабочую силу (“остарбайтеров”), освобождались эстонцы, литовцы и латыши, как, в соответствии с указанием Гитлера, расово близкие к немцам, а потому подлежащие германизации, но отнюдь не уничтожению и не порабощению племени. В советское время это обстоятельство затушёвывалось, и речь шла о страданиях всего советского народа, без конкретизации того, кто именно, как и от чего пострадал. Однако теперь, особенно же в связи с той ролью, которую сыграли именно бывшие прибалтийские республики в принятии Вильнюсской декларации, и той настойчивостью, с которой они требуют продолжения, не вижу причин (и не понимаю, почему этого не делает российское руководство) не напомнить, что именно представители этих республик не вполне компетентны судить о том, чем была фашистская оккупация. Да, об уничтожении евреев они, конечно, знают, и отнюдь не все их соотечественники были при нём всего лишь свидетелями и наблюдателями. Но сами они в годы оккупации не испытали и половины того, что имел в виду Гитлер, когда в 1932 г. в Мюнхене заявил: “Восток – наше большое поле эксперимента. Здесь возникнет новый социальный порядок”. Социальный! Испытывался воистину мегапроект, сущностью которого было движение против часовой стрелки, в неисследимую древность, имеющие своей целью осуществление некоего небывалого ещё синтеза всех социальных приёмов и структур самого свирепого порабощения.

* * *

Как видим, основные параметры войны на Востоке, определившие ту её особость, которая позволяет, по мнению Феста, говорить о ней как о *третьей мировой войне*, шедшей внутри очевидной для всех Второй мировой, были очерчены ещё за 9 лет до начала “Барбароссы” и за 10 – до Ванзейского совещания, формально декретировавшего “окончательное решение еврейского вопроса”. Она не стала таковой – она изначально задумывалась как “нечто совершенно новое”, не похожее на войну в Европе. И хотя, отмечает Фест, “уже в Польше проявились признаки новой, более радикальной практики”, дальнейший ход событий показал, что только при подготовке нападения на СССР элементы такой практики стали объединяться в систему, о которой Западная Европа если и получила представление, то лишь самое слабое. Настолько слабое, что сегодня в Европе, не говоря уже о Соединённых Штатах (см., например, известный фильм С. Содерберга “Добрый немец”), большинство убеждено, что даже и душегубки использовались исключительно для убийства евреев, хотя подобное представление искажает картину самого Холокоста. Ведь ясно, что евреи на оккупированных территориях не могли свободно расхаживать по улицам без риска быть тотчас же схваченными, что они сгонялись в гетто и что по отношению к ним действовала особая программа, издевательским образом определявшая их “вину”. Душегубки же вообще ничьей персональной “виной” не интересовались, в них просто сгоняли всех – без различия пола, возраста и, разумеется, национальности – людей, захваченных во время облав, и чтобы узнать об этом, достаточно открыть материалы Нюрнбергского процесса и ознакомиться с показаниями свидетелей. Сходный эпизод вспоминает и актриса Л. Гурченко, рассказывая о своём детстве в оккупированном Харькове.

Ничего подобного не было даже в Польше, не говоря уже о Прибалтике, это предназначалось исключительно для восточных славян, считавшихся *скверной* даже и среди прочей славянской скверны: ведь в Германии носителей такого знака рекомендовалось изолировать от всех остальных иностранных рабочих, в том числе даже от поляков. Словом, это и был тот самый нижний слой пирамиды нового социального порядка, представителей которого можно было уничтожать, даже не утруждая себя проведением особых

совещаний и принятием особых решений. Ведь ещё в 1941 году рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер произнёс речь, где заявил о необходимости уничтожения 30 миллионов славян, и самого факта произнесения такой речи не отрицал на допросе в Нюрнберге и Геринг. Который, однако, в ответ на настойчивые уточнения прокурора Руденко столь же настойчиво подчёркивал, что “это был не приказ, а всего лишь речь ...в том духе, что 30 миллионов славян должны быть истреблены” – словно это (“всего лишь речь”!) могло послужить смягчающим обстоятельством! (Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Москва, 1953. Том II, с. 23).

Между тем именно в данном случае специального приказа, подобного Ванзейскому, и не требовалось, потому что такой способ действий вытекал из самой доктрины нового социального порядка, в основных своих чертах определённой ещё к началу 30-х годов и подтверждённой Гитлером на созванном 30 марта 1941 года в рейхсканцелярии в Берлине совещании высших офицеров всех родов войск. В своём дневнике Франц Гальдер (в 1938–42 гг. начальник Генерального штаба сухопутных войск) дал резюме длившейся два с половиной часа речи фюрера, надо думать, выделив главное, и это главное было таково: “Наши задачи в отношении России: вооружённые силы разгромить, государство ликвидировать... Борьба двух мировоззрений. Уничтожающая оценка большевизма: это всё равно что антиобщественное преступление. Коммунизм – чудовищная опасность для будущего. Нам не следует придерживаться тут законов солдатского товарищества. Коммунист не был товарищем и не будет. Речь идёт о борьбе на уничтожение”. И – самое существенное, подводящее черту под всем, что мир уже увидел в нацистском исполнении до “Барбароссы”: “Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке же жестокость – это благо для будущего” (там же, с. 241).

До сих пор идут – и, видимо, долго будут ещё идти – споры о том, насколько искренне сам Гитлер и впрямь считал *свою* войну мировоззренческой, в какой мере сам почитал себя воителем против рыщущего по земле нового “волка Фенрира”, большевизма, а в какой всё это было, в основном, пропагандистским прикрытием восходящего ещё ко временам Карла Великого “натиска на Восток”, колониальной, захватнической войны – правда, принявшей особо ожесточённый, даже по сравнению с историческими прецедентами, характер. Наверное, споры эти имеют право на существование, однако, на мой взгляд, преувеличивать их значение не стоит: ведь сама война с абсолютной ясностью показала, что слова Гитлера о грандиозном “эксперименте на Востоке” вовсе не были лишь формой прикрытия обычной, пусть и крайне жестокой экспансии – да и с чего бы фюрер, всегда очень откровенный в своих стремлениях к расширению “жизненного пространства”, именно в случае России стал бы их скрывать? Неужели опасаясь западного общественного мнения?

Нелепое предположение – ведь Запад и сам, заигрывая с Гитлером, в котором видел “защитника и коменданта крепости” (Фест), подталкивал его на Восток. Возможно, даже не имея ничего против проведения и самого эксперимента, идея которого имеет глубокие и разветвлённые, притом отнюдь не сугубо немецкие корни. Однако эксперимент вышел далеко за границы борьбы только с большевизмом, показав со всей очевидностью, что его конечной целью является не само по себе ослабление (против чего Запад никогда не возражал) или даже уничтожение России как таковой, будь она советская или нет, но нечто другое. Такое, что заставило содрогнуться даже и мало затронутую этим экспериментом Европу и, может быть, впервые побудило её осознать глубину предупреждения, сделанного Раушнинггом. Ведь ещё в 1939 г., когда война только стояла на пороге и никто не мог себе даже представить, какой она станет, эпиграфом к своей книге он выбрал вопрошание Иоанна Богослова: “Кто подобен зверю из бездны и кто может сразиться с ним?” (Откровение, гл. 13; 4).

В 1945 году ни у кого не было сомнений в том, кто был этим зверем и кто сразил его. И только из глубины такого чувства могла родиться сама идея суда народов – единственного в своём роде, потому что здесь судили не просто некое историческое насилие (для всех повинных в нём не хватит скамей, если даже уставить ими земной шар), но преступный и уже претворявшийся в действие умысел против человечества, которое, в случае победы зверя, во-

обще переставало существовать как таковое, будучи расчленённым на разные виды – сверх- и недочеловеков. Вильнюсская декларация, предлагая *продолжить*, аннигилирует этот, высший, смысл *старого* Нюрнберга и даже лишает его оправдания, потому что открывает дорогу бесконечным спорам на тему “кто хуже”. И “сталинизм” здесь никак не может претендовать на роль единственного кандидата.

А ведь о том, что не просто “сталинизм”, но именно коммунизм много хуже, ещё до принятия вильнюсского документа России в мае прошлого года и со всей определённостью поведал на кто иной, как Предстоятель Русской Православной Церкви. Именно тогда и в его устах ожил образ Гитлера-воителя против “волка Фенрира”. Потому что, поведал он *urbi et orbi*, война была Божьей карой за преступления большевиков против Церкви, а искупительной жертвы – и немалой – требовал сам Господь. Видимо, всё-таки умилованный этой гекатомбой, а потому и даровавший нам победу (писать это слово, как мы привыкли, с заглавной буквы в таком контексте представляется неуместным).

Эта мысль была высказана 6 мая, а 3 июня, возможно, в ответ на, конечно, несоразмерную событию, но всё-таки тревожную реакцию общества, Патриарх вновь вернулся к той же теме. На сей раз расставив точки над “I” с такой определённостью, которая не оставила места ни для какой уклончивости, ни для каких ускользаний или попыток смягчить сказанное рассуждениями вроде: “Но он же не сказал, что война была наказанием за большевиков”. Нет, он именно это и сказал. И нежеже, не замечая сказанного, проявлять тем самым неуважение к самому Патриарху, с такой прямотой высказавшему свои, видимо, не один день вызревавшие мысли. “Война, – повторил Предстоятель РПЦ 3 июня 2009 года, – была наказанием за попрание святынь, за кощунства и издевательства над Церковью. Если бы вместо страшного (!) наказания наступило материальное процветание и победа идеологии, тогда каждый здравомыслящий человек спросил бы: а где суд Божий?” (Цит. по: Независимая газета”, 2009, 16 июня. – Более подробно этот вопрос рассмотрен мною в статье “Русская Православная Церковь и советское наследие”. – “Россия XXI”, 6, 2009).

Но коли так, коли таково слово с амвона, то в преддверии ещё недавно самого великого и всё ещё объединявшего нас Дня уместно задаться вопросом: так что же мы собираемся праздновать? Под знаком этого вопроса, который никак не назовёшь триумфальной аркой, и входит к нам 9 Мая 2010 года. Что образует рубеж между ним и всеми другими, когда мы ещё могли праздновать его, не чувствуя себя соучастниками ритуала осквернения. Конечно, можно и сегодня сделать вид, будто ничего особенного не произошло – ведь танцевал же гоголевский поручик Пирогов мазурку, будучи выпорот, и ничего, не умер. Или всё-таки умер, утратив честь?

Конечно, каждый будет делать свой выбор, сообразуясь с тем, что подскажут ему совесть и сердце – каждый отдельно, потому что общий, объединявший нас смысл праздника разрушен, и как общество, скажу больше – как народ, допустивший такое, уклончивым ли отмалчиванием или прямым соучастием, словом, как целое, мы уже утратили право на него – за исключением, конечно, ветеранов, которого лишить этого права не может никто. Остальным же придётся осознать, что духовные смыслы больших исторических событий – такая же реальность, как и их доступная чувственному восприятию сторона. Однако и последняя становится всё менее осязаемой для приходящих на смену поколений, и ясно, что в дни, вошедшие в праздничный календарь той или иной страны, чествуются именно *смыслы* совершившихся некогда событий, именно они объединяют и консолидируют нацию не только в горизонтальном, пространственном, но также и в вертикальном, временном измерении. В противном случае они омертвляются и даже рискуют обернуться фарсом – примеров в истории более чем достаточно.

Что ж, мы достаточно долго, а в последние десятилетия и вовсе не по праву, проматывая и проедаая наследие великой страны, всё ещё почитали себя причастниками Дня Победы. Теперь вызов брошен, и мы либо сумеем принять его, вернув преданной нами Победе её честь, смысл и заглавную букву, а себе право считать её наследниками, либо... Но это будет уже другая страна и другая история – хотя, как правило, народы столь забывчивые вообще лишаются её.